

Вопросы правосудия и безопасности в реформировании юстиции позднеимперского Охотско-Камчатского края

Е. А. Крестьянников

Для цитирования: Крестьянников Е. А. Вопросы правосудия и безопасности в реформировании юстиции позднеимперского Охотско-Камчатского края // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. Т. 70. Вып. 2. С. 345–361. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.204>

Конец XIX в. ознаменовался распространением на Сибирь судебной реформы 1864 г., но северо-восточная часть провинции по-прежнему жила без учреждений юстиции. Не появились мировые и окружные суды в Охотско-Камчатском крае Приморской области, малонаселенность, обширность и социально-экономическая отсталость которого служили препятствием применению общеимперских судоустройства и судопроизводства. Здесь полицейские чиновники исполняли функции мировых судей весьма недобросовестно, а важные дела решались в малодоступном для местных жителей из-за удаленности Владивостокском окружном суде. Статья фокусирует внимание на истории последующего судебного реформирования на крайней восточной территории России, специально обращаясь к вопросам его обусловленности и эффективности. В начале XX в. о необходимости преобразования суда в крае правительство задумалось в связи с увеличивавшимися опасениями за национальную безопасность, вызванными нарастанием иностранной экономической экспансии после окончания войны с Японией. Угроза потери этого района страны заставила срочно его обустроить, в результате чего там учреждалась Камчатская область, а следом вводились мировые судьи и Петропавловский окружной суд. Судебное реформирование, потребовавшее значительных финансовых ресурсов и усилий по привлечению квалифицированных кадров, являлось неоднозначным и из-за неубедительности аргументации вызывало негативные отзывы законодателей, но под правительственным нажимом реализовывалось. Статистические данные о деятельности появившихся органов судебной власти подтверждали, что полноценный спрос на них в условиях неразвитости территории и специфического населения целиком не сформировался. Для сравнения в статье приводится противоположный пример введения окружных судов — в Томской губернии, где именно потребность в правосудии, в отличие от Камчатской области, естественным образом вызвала нужность судебных преобразований. Военные обстоятельства

Евгений Адольфович Крестьянников — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая ул., 20; <https://orcid.org/0000-0002-5164-4741>, ekrestyannikov@hse.ru

Evgeniy A. Krestyannikov — Dr. Sci. (History), Leading Researcher, HSE University, 20, Myasnitkaya ul., Moscow, 101000, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-5164-4741>, ekrestyannikov@hse.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 23-18-00268, проект «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII — начало XX в.)», руководитель Е. А. Крестьянников.

The research is executed at expense of the grant of the Russian Science Foundation (RSF) grant no. 23-18-00268, project “Justice in the system of security maintenance and in the integration processes of the periphery regions of the Russian empire (the 18th — beginning of the 20th centuries)”, head of project E. A. Krestyannikov.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

заставили еще больше сомневаться в целесообразности системы правосудия для Охотско-Камчатского края, и в условиях Гражданской войны было принято решение о переводе Петропавловского окружного суда отсюда в Николаевск-на-Амуре.

Ключевые слова: имперская юстиция, судебная реформа, правосудие, безопасность, Охотско-Камчатский край.

Issues of Justice and Security in the Reform of Justice in the Late Imperial Okhotsk-Kamchatka Region

E. A. Krestyannikov

For citation: Krestyannikov E. A. Issues of Justice and Security in the Reform of Justice in the Late Imperial Okhotsk-Kamchatka Region. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2025, vol. 70, issue 2, pp. 345–361. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.204> (In Russian)

The end of the 19th century was marked by the extension of the judicial reform of 1864 to Siberia, but the northeastern part of the province still lived without justice institutions. Magistrate and district courts did not appear in the Okhotsk-Kamchatka territory of the Primorskii region. The police officials here performed the functions of justices of the peace in a very un-scrupulous manner, and important cases were decided in the Vladivostok district court, which was inaccessible to residents due to its remoteness. The article focuses on the history of subsequent judicial reform in the extreme eastern territory of Russia, specifically addressing the issues of its determinacy and effectiveness. At the beginning of the 20th century the threat of losing this region of the country forced it to be urgently developed, as a result of which the Kamchatka province was established there, and then justices of the peace and the Petropavlovsk district court were introduced. The judicial reform, which required significant financial resources and efforts to attract qualified personnel, was ambiguous and, due to the unconvincing arguments, caused negative responses from legislators, but was implemented under government pressure. Statistical data on the activities of the emerging judicial authorities confirmed that full-fledged demand for them, given the underdevelopment of the territory and the specific composition of the population, had not yet fully formed. Military circumstances made one doubt even more about the advisability of the justice system for the Okhotsk-Kamchatka region, and in the conditions of the Civil War, a decision was made to transfer the Petropavlovsk district court.

Keywords: imperial justice, judicial reform, justice, security, Okhotsk-Kamchatka region.

Судебная реформа 1864 г. реализовала принципы независимости суда и несменяемости судей, презумпции невиновности, состязательности, гласности, устности процесса, предоставила подсудимым право на защиту, допустила к судопроизводству общественность, т.е. предполагала юстицию, в либеральной трактовке представлявшуюся «барьером, созданным в интересах личной свободы и безопасности»¹. Распространение на территорию страны основанных на европейских образцах судов затянулось на десятилетия, а темп реформирования находился в зависимости от степени интегрированности той или иной провинции в имперское пространство, уровня ее экономического и культурного развития, обширности, особенностей правосознания населяющего народа, а также состоя-

¹ Люблинский П. И. Суд и права личности // Судебная реформа: в 2 т. / под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. Т. 2. М., 1915. С. 2.

ния государственных финансов, наличия квалифицированных юристов и многого другого. Отдаленные от столицы регионы получали судебные уставы Александра II позже и в ограниченном виде, что диктовалось как изменением отношения царизма к правосудию вообще, так и гетерогенностью страны, не позволявшей применить общие правила повсеместно².

В Сибири преобразование проводилось по закону 13 мая 1896 г.³, положения которого, как думалось чинам Министерства юстиции и его главе Н. В. Муравьеву, учитывали местную специфику и удовлетворяли потребностям сибиряков в правосудии (под «Сибирью» в судебном ведомстве понималась территория от Урала до Тихого океана)⁴. Сейчас толковать корректировки уставов при их применении к окраине, между прочим солидаризируясь с министерскими чиновниками, позволяют оптика фронтирной модернизации, поскольку рассматриваемый регион переживал стадию незавершенного освоения и догоняющего развития⁵, и разработанный А. В. Ремневым концепт имперской географии власти, представляющийся удачным для осмысления организации и деятельности сибирского госаппарата через пространственную обусловленность⁶.

Эти подходы дают возможность объяснить организацию сибирской юстиции главным образом социально-экономической и культурной отсталостью края, препятствовавшей применению отдельных институтов европеизированной судебной системы (например, не вводился суд присяжных), а также малонаселенностью и огромными пространствами (при неразвитости путей сообщения), ставшими причиной низкой плотности покрытия территории учреждениями правосудия, их подвижности и многофункциональности. Так, мировые судьи, составы окружных судов и судебных палат (к Иркутской в 1898 г. в ходе реформирования в Степном крае прибавилась Омская) постоянно выезжали для разбора дел из мест своего стационарного базирования; в руках мировых судей кроме судебных сосредотачивались функции следователей и нотариусов, а окружные суды несли дополнительную нагрузку в качестве съездов мировых судей⁷.

² Baberowski J. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt am Main, 1996. S. 365–427; Верняев И. И. Историческая динамика судебно-правовой интеграции Российской империи. СПб., 2021. С. 84–85; Кирмзе Ш. Б. Империя законности: юридические перемены и культурное разнообразие в поздней имперской России. М., 2023. С. 22–24.

³ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ РИ). Собр. 3: в 33 т. Т. 16. СПб., 1899. № 12932.

⁴ Дело о применении Судебных уставов в губерниях и областях Сибири и об учреждении временных штатов судебных установлений названных губерний и областей и временного дополнительного штата Казанской судебной палаты // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1149. Оп. 12. Д. 63. Л. 2–10.

⁵ Акторы российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение / отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург, 2016. С. 74–85; Побережников И. В. Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4. С. 72–80.

⁶ Ремнев А. В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // Ab Imperio. 2000. № 3–4. С. 343–358; Remnev A. V. Siberia and the Russian Far East in the Imperial Geography of Power, in Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930 / eds J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington; Indianapolis, 2007. P. 425–454.

⁷ Krest'iannikov E. A. Realizatsiia Idei Sud'i-Sledovatel'ia v Mirovoi Iustitsii Dorevoliutsionnoi Sibiri // Cahiers du monde russe. 2017. Vol. 58, no. 4. P. 555–588; Krest'iannikov E. A. Along the Routes of Justice: Judicial Circuit Riding in Western Siberia During the Late Imperial Period // Kritika: Explorations in Russian

Если к перечисленным обстоятельствам прибавить устойчивое стремление удешевить для казны реформирование судебной власти в крае⁸, сложится объяснение, почему «отдаленнейшие местности» (характеристика из министерского проекта преобразования)⁹ вообще не получили суда. Хотя в 1899 г. Н. В. Муравьев объявил об окончании судебной реформы 1864 г. и специальным рескриптом за это его поблагодарил Николай II¹⁰, некоторые обширные территории продолжили существование в дореформенном состоянии. Закон 13 мая 1896 г. не предусмотрел распространение уставов на малозаселенные северо-восточные секторы Сибири, где в результате отсутствовали мировые судьи и, само собой, не устанавливались коронные судебные учреждения — окружные суды. Такой модели предстояло существовать около полутора десятка лет в северных Туруханском крае Енисейской губернии, Колымском и Верхоянском округах (в 1898 г. сибирские округа переименовывались в уезды) Якутской области, а также в Охотско-Камчатском крае Приморской области, под которым вообще и, в частности, Министерством юстиции понималась совокупность округов Охотского, Гижигинского, Анадырского, Петропавловского и Командорских островов¹¹ с проживавшим на огромных пространствах незначительным по численности населением (перепись 1897 г. учла там всего 33 324 души обоего пола¹²).

Жители перечисленных местностей севера Приморской области, преимущественно «иностранцы» (почти 90 % всего населения в конце XIX в.)¹³, чтобы обеспечить свою имущественную и личную безопасность, больше полагались на традиционные способы разбирательства юридических неопределенностей, явно испытывая затруднения в случае необходимости обратиться в общем порядке к имперскому правосудию. Имевшаяся система отличалась склонностью к произволу, и, к примеру, разделение властей — один из основополагающих принципов, по уставам Александра II гарантировавших беспристрастие и справедливость судебных постановлений, не действовало. Так, окружные (полицейские) начальники Охотско-Камчатского края работали одновременно главами полиции, судьями, судебными следователями, гражданскими и военными администраторами, сборщиками ясака и государственных повинностей, таможенными надзирателями, почтмейстерами и т. д.¹⁴

and Eurasian History. 2019. Vol. 20, no. 2. P. 315–344; *Крестьянников Е. А.* Правосудие через расстояния: негативная практика деятельности мировых судей в дореволюционной Сибири // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7, № 1. С. 98–114.

⁸ *Крестьянников Е. А.* Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX — начало XX в.) // *Российская история*. 2018. № 2. С. 22–34.

⁹ Журнал комиссии по разработке предложений судебной реформы в Сибири // Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 43 об.

¹⁰ Высочайший рескрипт, данный на имя министра юстиции, статс-секретаря, тайного советника Муравьева // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 7. С. 3–4.

¹¹ Журнал комиссии по разработке предложений судебной реформы в Сибири. Л. 166.

¹² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: в 89 т. Т. 76: Приморская область. Тетр. 1. [СПб.], 1899. С. 1.

¹³ Памятная книжка и адрес-календарь Приморской области на 1897 г. Владивосток, 1897. Отд. 3. Ведомость А.

¹⁴ *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край (с картой). Естественно-историческое описание: в 2 т. Т. 1. СПб., 1900. С. 473.

Этих «служителей Фемиды» отличало пренебрежение своими судебскими обязанностями. Председатель Иркутской судебной палаты Н.П.Ераков 27 сентября 1908 г. сообщал в Министерство юстиции, что от них «отчетность вследствие отдаленности края и трудности сообщения или вовсе не доставлялась, или поступала крайне неаккуратно». По Охотскому, Петропавловскому и Гижигинскому уездам никаких данных в 1906–1907 гг. вообще не имелось. Из полученных же отчетов начальников Анадырского уезда и Командорских островов следовало, что там не возникало дел мировой подсудности и предварительных следствий, т. е. будто бы вовсе не подавались гражданские иски и отсутствовал криминал, потому и расследовать было нечего, а это как минимум вызывало сомнения в добросовестности тамошних чиновников¹⁵. 18 апреля 1909 г. Совет министров обсуждал состояние крайнего восточного предела империи, кроме прочего затронув вопрос о правосудии на его севере. «Порядок, согласно коему обязанности мировых судей, судебных следователей и нотариусов возлагаются на начальников местной полиции, оказывается малоудовлетворительным», — признавало правительство¹⁶.

Едва ли могло быть по-другому. В аналогичном положении пребывали соседние уезды Якутской области. Здешний губернатор И. И. Крафт полагал, что «применение на этой окраине великих начал суда правого, скорого и равного для всех приходится, к сожалению, считать только номинальным», ведь местные начальники полиции занимались исключительно «профанированием» правосудия. При абсолютной бесконтрольности со стороны окружного суда и прокуратуры в их руках накапливалось «громоздкое» количество нерешенных дел, но, если бы они относились к работе внимательно, положительного эффекта ожидать не стоило, поскольку чиновники являлись в принципе непригодными судить — «лишенными всякой юридической подготовленности и даже способности юридического мышления». Конечно, к таким служащим местное население не испытывало ни доверия, ни уважения¹⁷.

Для решения важных дел, возникавших в Охотско-Камчатском секторе, предназначался окружной суд во Владивостоке. От Петропавловска на Камчатке, где все-таки окружной суд потом, по закону 26 июня 1912 г., будет установлен¹⁸, его отделяло 2336 верст по морю, притом морское сообщение ежегодно прерывалось на шесть или семь месяцев в холодный сезон¹⁹. Практиковавшийся в России и Сибири порядок выездных сессий на район фактически не распространялся. Накануне реформы 1896 г. для Владивостокского окружного суда сессионные выезды проектировались лишь в Хабаровск и село Никольское²⁰; на 1910 г. количество таких мест

¹⁵ Дело о переводе в гор. Николаевск-на-Амуре Петропавловского окружного суда // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-4369. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.

¹⁶ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1909 год. М., 2000. С. 143.

¹⁷ Дело по возбужденным якутским губернатором вопросам о необходимости усиления мировой юстиции Якутского окружного суда и о предоставлении судебным установлениям области права отсрочки исполнения приговоров о лишении свободы по хозяйственным обстоятельствам // РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 25. Л. 1–3.

¹⁸ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 32. № 37522.

¹⁹ Переписка с департаментом Министерства юстиции об увеличении штатов и размеров содержания всех судебных учреждений округа Иркутской судебной палаты // Государственный архив Иркутской области. Ф. 246. Оп. 9. Д. 1. Л. 2 об. — 3.

²⁰ Журнал комиссии по разработке предложений судебной реформы в Сибири. Л. 169 об.

увеличивалось до пяти: Никольск-Уссурийский, Иман, Хабаровск, Николаевск-на-Амуре, пост Александровский на Сахалине, но населенные пункты северной части Приморской области в графике разъездов учреждения по-прежнему не значились²¹.

Между Владивостоком и Камчаткой было чрезвычайно затруднено сухопутное сообщение. В. Баралевский, работавший еще в дореформенной юстиции региона в конце XIX в. единственным судебным следователем в Приморской области²², рассказывал о тяготах когда-то испробованного им пути. Добраться из Владивостока в Петропавловск считалось возможным с гигантским «крюком» через Иркутск, Якутск и Нижне-Колымск, для чего требовалось преодолеть 12 тыс. верст. Если Якутск по сибирским меркам казался более или менее достигаемым, то после него путешествие даже для данной окраины грозило чрезмерными рисками. Путники за несколько недель старались оповестить держателей почтовых станций по маршруту о своем проезде, заготавливали особый корм для оленей или собак, зимой на месяцы вперед запасались теплой одеждой, чтобы выдержать мороз в 50 градусов. Свое повествование юрист заканчивал: «Не мудрено, что немногие отваживаются ехать в Камчатку этим путем»²³.

Такие условия, разумеется, отвращали население от обращения в коронную судебную инстанцию. Судиться во Владивостоке для жителей Охотско-Камчатского края, полагал Н. П. Ераков, было «настолько далеко, трудно и дорого, что они в огромном большинстве случаев вовсе не прибегали к судебной защите»²⁴. Министр юстиции И. Г. Щегловитов (1906–1915 гг.) характеризовал связь северных уездов Приморской области с Владивостокским окружным судом «исключавшей для населения» помощь органов судебной власти²⁵. По сведениям Н. П. Еракова, уголовных и гражданских дел из указанного района поступало во Владивосток ничтожное количество: в 1906 г. — 8, в 1907 г. — 12, в 1908–1910 гг. — 31²⁶. Окружной же суд, очевидно, не имел возможности выступать с инициативами по приближению правосудия к населению. В современной исторической литературе отмечается, что он испытывал перегрузки и его деятельности была свойственна волокита²⁷. Это время от времени подтверждала статистика. К примеру, в 1901 г. учреждение по степени обремененности каждого своего члена уголовными делами занимало первое место в империи²⁸.

Фактическое отсутствие юстиции соответствовало общей запущенности Охотско-Камчатского района. Приморский военный губернатор В. Е. Флуг во всеподданнейшем отчете за 1905 г. характеризовал такое состояние как «жалкое про-

²¹ Записка директора Второго департамента Министерства юстиции Н. М. Демчинского о результатах обследования Владивостокского окружного суда // РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 582. Л. 5 об.

²² Баралевский В. Устройство судебной части на острове Сахалин // Журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1895. № 9. С. 68–74.

²³ Баралевский В. Восточные окраины Русского царства: Камчатка, Амур, Уссури. СПб., 1904. С. 5–8.

²⁴ Дело о переводе в гор. Николаевск-на-Амуре Петропавловского окружного суда. Л. 7 об., 10.

²⁵ По законопроекту министра юстиции об учреждении окружного суда в городе Петропавловске, Камчатской области // РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 55. Л. 3 об.

²⁶ Дело о переводе в гор. Николаевск-на-Амуре Петропавловского окружного суда. Л. 7 об., 10.

²⁷ Баранник И. Н. Развитие органов юстиции в Приморье: исторические и правовые аспекты. Владивосток, 2023. С. 18–19.

²⁸ Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 17. Прил. СПб., 1902. С. 28.

зьябание», призывал имперскую власть вкладывать в северную территорию средства с расчетом, что инвестиции впоследствии «вознаградятся сторицею», и указывал на положительный опыт развития близлежащей американской Аляски²⁹. Однако лишь когда после Русско-японской войны начали обнаруживаться угрозы имперской безопасности извне, окраина приковала внимание отечественного истеблишмента. Историками данный поворот достаточно осмыслен. Исследователи обуславливают его возникшим страхом утраты российского северного побережья Тихого океана из-за экономической экспансии американцев и японцев³⁰.

Словами одного современника, может, излишне категоричного, ситуация вокруг региона сложилась следующая: «Будь на нашем месте англичане, немцы, японцы, бельгийцы, весь этот край был бы давно исследован, разработан в большей своей части, снабжен железными дорогами, заселен, давал бы хороший заработок жителям и доход правительству. Мы же, русские, совершенно безразлично относимся к этому богатому краю, русская предприимчивость дремлет, крупные отечественные капиталы неподвижно лежат в банках и сундуках, ценная окраина незаметно, мало-помалу, подпадает под влияние иностранцев. Они давно точат зубы на богатства этого края, а в особенности после русско-японской войны, привлекая внимание всего мира на нашу далекую окраину»³¹.

Примером проникновения иностранцев в край могла служить рыболовная отрасль. До войны здесь она не имела большого значения, но потом положение изменилось. Право вылова рыбы вдоль морского берега Дальнего Востока в силу русско-японской конвенции 1907 г., заключенной сроком на 12 лет, предоставлялось жителям Японии на одинаковых основаниях с русскими, причем национальность и подданство рыбаков не служили ограничением в здешней рыбопромышленности. Сюда устремились японцы, и количество участков, выставленных на торги для рыболовного промысла, резко возрастало, увеличившись в 1907 г. по сравнению с довоенным 1903 г. в 24 раза. После заключения конвенции значительно возросла и численность сданных в аренду участков на побережье: с 74 в 1907 г. до 205 в 1911 г.³²

Дальневосточные проблемы озадачивали правящие круги вплоть до высоты престола, и в 1908 г. развернулась кампания по их обсуждению. 21 января на представленном П. А. Столыпиным обзоре русской прессы по вопросам Охотско-Камчатского края император собственноручно начертал, что на территорию «в особенности следует обратить самое серьезное внимание и приступить к живой деятельности там немедленно»³³. В марте сам премьер-министр в Государственной думе выразил опасения: «На нашей дальней окраине, и на Камчатке, и на побережье Охотского моря уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный

²⁹ Коллекция печатных записок Научно-справочной библиотеки РГИА (далее — КПЗ НСБ РГИА). № 2864. Всеподданнейший отчет о состоянии Приморской области за 1905 г. С. 18.

³⁰ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX в. Омск, 2004. С. 496; Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации. М., 2020. С. 89.

³¹ Северцев Г. Т. Камчатка (очерк) // Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь (бывший Ф. П. Романова) на 1910 г. СПб., 1910. Отд. 2. С. 10–24.

³² Рыбные промыслы Дальнего Востока в 1912 г. Хабаровск, 1913. С. 10, 50.

³³ КПЗ НСБ РГИА. № 2486. Охотско-Камчатский край. Изложено на основании материала, извлеченного из русской печати до 25 декабря 1907 г. С. 1.

организм уже вклинивается постороннее тело»³⁴. В октябре глава правительства попросил ряд министров высказаться по поводу опубликованной в «Новом времени» статьи «Чукотский полуостров и его будущее», и те во многом солидаризировались с автором, рассказывавшим о богатствах района, его географическом тяготении к американцам и предупреждавшим, что при равнодушном отношении к полуострову грозит «его заполнение предприимчивыми янки». Чтобы эта часть России «не перешла в руки иностранцев», предлагалось принять срочные меры по ее ускоренному хозяйственному освоению, развитию коммуникаций и обеспечению вооруженными силами³⁵.

Курс на интеграцию Охотско-Камчатского края и увеличение присутствия там государства подразумевал усиление концентрации власти, и ввиду значительной изолированности территории начали поступать предложения снабдить местность собственным госаппаратом. Так, в 1908 г. тобольский губернатор Н. Л. Гондатти, ранее, в 1894–1897 гг., непосредственно управлявший Чукоткой и как ученый исследовавший ее³⁶, доказывал отделенность северных уездов от юга Приморской области, которая объективно существовала из-за сложности сообщения с Владивостоком. Он предлагал выделить север «в самостоятельную область с местопребыванием начальника области в Петропавловске-Камчатском». «Нахождение на месте сильной власти безусловно должно будет оказать благоприятное влияние на развитие нашей окраины, в особенности, если в ее распоряжении будут и средства сообщения», — рассуждал чиновник³⁷.

17 июня 1909 г. в Охотско-Камчатском крае образовалась Камчатская область³⁸, а в логике «переустройства» и инициированной в отношении региона правительственной политики непременно виделась перспектива судебного реформирования: каждая административно-территориальная единица России уровня губернии и области имела окружной суд, вместе с тем цивилизованное правосудие являлось залогом успешного экономического развития. Неудивительно, что сразу после учреждения области, по словам приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера, «начали последовательно обсуждать мероприятия для поддержания жизненных интересов населения, неразрывно связанных с его благосостоянием», и среди них закономерно значилось введение судебных органов³⁹.

Совет министров предусмотрительно, еще до формирования Камчатской области, 18 апреля 1909 г. высказался о необходимости учреждения в Петропавловске самостоятельного окружного суда, поскольку в случае организации выездных сессий Владивостокского окружного суда на Камчатку потребовалась бы, по приблизительным подсчетам, внушительная сумма — 43 000 руб. Министру юстиции

³⁴ Избранные выступления П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 2012. С. 73–74.

³⁵ К-в А. Чукотский полуостров и его будущее // Новое время. 1908. 19 окт.; КПЗ НСБ РГИА. № 2486. Материалы по вопросу об ограждении природных богатств Чукотского полуострова от захвата их иностранцами. С. 3–40.

³⁶ Дубинина Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 13–28.

³⁷ КПЗ НСБ РГИА. № 2487. Записка Николая Львовича Гондатти Николаю Вячеславовичу Плеве. С. 9.

³⁸ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 29. № 32146.

³⁹ Унтербергер П. Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 424–425.

предписывалось заняться этим вопросом⁴⁰. В следующем году И. Г. Щегловитов представил проект «Об учреждении окружного суда в городе Петропавловск, Камчатской области». Объяснительная записка к нему ставила намеченное мероприятие в ряд «направленных к культурному и экономическому развитию Приамурского края, к укреплению в нем русской государственности и к ограждению его естественных богатств от захвата иностранцами»⁴¹.

Однако в целесообразности для края полноценной юстиции неизбежно возникали сомнения. Население здесь прирастало очень медленно и в конце первого десятилетия XX в. составляло 36 012 душ⁴², а число зарождавшихся производств представлялось, как говорилось выше, мизерным или просто неизвестным. Создание в полупустынной местности системы из мировых судей и окружного суда грозило риском при значительных финансовых затратах казны сделать намеченный судейский персонал необеспеченным работой и частично бесполезным для государства, общества и правосудия. В нижней палате парламента министерский законопроект ожидал неблагоприятный прием. Весной 1910 г. докладчик Комиссии по судебным реформам Государственной думы Э. П. Беннигсен заявил, что из-за «незначительного числа возникавших на названной северо-восточной окраине дел осуществление ныне же означенной меры не вызывалось бы практическими соображениями». Комиссия оказалась в замешательстве и не смогла принять окончательное решение⁴³, но примерно через полгода она, несмотря на критику со стороны оппозиции, склонилась в пользу проекта о Петропавловском окружном суде⁴⁴.

В конце концов законодательные процедуры по поводу введения в Камчатской области мировых судей и окружного суда развивались по собственным траекториям. 3 июня 1911 г. мировой институт устанавливался здесь, равно как и на севере Енисейской губернии и Якутской области, с повышенной подсудностью (по гражданским делам судьям предписывалось рассматривать иски стоимостью до пяти тысяч рублей)⁴⁵, что, однако, не снимало с повестки более спорного вопроса — введения в крае окружного суда. С точки зрения применявшегося порядка судоустройства и судопроизводства последний становился необходимостью хотя бы потому, что по правилам 13 мая 1896 г. был апелляционной инстанцией для постановлений мировых судей, подменяя их съезды. В противном случае, при отсутствии такого суда в регионе, населению Охотско-Камчатского края по апелляционному пересмотру дел приходилось бы, как и раньше, вступать в сношения с малодоступной владивостокской юстицией. Для радеющих о правосудии юристов это было очевидным и убедительно доказывавшим нужность Петропавловского окружного суда. «Учреждение в Камчатской области с 1 октября сего года согласно закону 3 июня 1911 г. четырех должностей мировых судей при оставлении

⁴⁰ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1909 год. С. 143.

⁴¹ По законопроекту министра юстиции об учреждении окружного суда в городе Петропавловске, Камчатской области. Л. 1 — 8 об.

⁴² Азиатская Россия: в 3 т. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. С. 90.

⁴³ Об учреждении окружного суда в городе Петропавловске, Камчатской области // РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 56. Л. 1 об. — 2.

⁴⁴ Окружной суд на Камчатке // Красноярская мысль. 1910. 24 нояб.

⁴⁵ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 31. № 35432.

этой области по-прежнему в округе Владивостокского окружного суда не улучшит положения», — утверждал Н. П. Ераков⁴⁶.

5 июня 1912 г. в Думе развернулась жаркая дискуссия. Комиссия по судебным реформам призвала голосовать за принятие законопроекта об учреждении окружного суда в Петропавловске, однако отрицательное заключение уже имелось от думской бюджетной комиссии, находившей реализацию замысла несвоевременной из-за малонаселенности края. Товарищу министра юстиции А. Н. Веревкину пришлось специально разъяснять причины намечаемой меры, повторяя аргументы Н. П. Еракова. Представитель министерства считал недостаточным для приближения правосудия к населению только мировых судей и от имени правительства настаивал на осуществлении преобразования. Противники проекта, в свою очередь, даже объявили его «несостоятельным», а, по одному из прозвучавших мнений, «единственный мотив для учреждения окружного суда в г. Петропавловске состоял в том, что это областной город». Тем не менее проект под правительственным давлением депутаты поддержали⁴⁷, и затем он беспрепятственно прошел через Государственный совет⁴⁸.

Открытие Петропавловского окружного суда состоялось 15 декабря 1912 г., а через два дня к слушанию уже было назначено первых 12 дел⁴⁹. Хотя и малочисленный (всего три члена), новый орган судебной власти, тем не менее, потребовал внушительных затрат: 45 тыс. руб. на введение в действие, а также 185 тыс. руб. «по постройке зданий для помещения» и «для квартир служащих сего суда». Для понимания: все мероприятия по проведению сибирской судебной реформы конца XIX в. обошлись казне в 600 тыс. руб. После данного реформирования единственным окружным судом, установленным в границах России на территории от Урала до Тихого океана в имперский период, являлся учрежденный 22 апреля 1910 г. суд в Барнауле. Несмотря на то что в его состав входило 10 членов, а юрисдикция распространялась на южные уезды Томской губернии с громадной численностью населения почти в 2,5 млн чел., ежегодно он стоил казне лишь около 100 тыс. руб.⁵⁰

Условия Охотско-Камчатского края неминуемо приводили к вздорожанию здешней юстиции. Чтобы наполнить ее качественными кадрами, предусматривалась увеличенная оплата труда чиновников; вместе с тем пришлось изыскивать дополнительные деньги на возведение зданий. В регионе просто-напросто отсутствовали помещения, соответствовавшие судейским потребностям. Местная строительная отрасль находилась в зачаточном состоянии, и обычно дома сооружались во Владивостоке или в Японии, а затем в разобранном виде переправлялись сюда по морю⁵¹. Следовательно, способ аренды зданий для судебных учреждений, практи-

⁴⁶ Дело о переводе в гор. Николаевск-на-Амуре Петропавловского окружного суда. Л. 10 об.

⁴⁷ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия 5. Ч. 4. Заседания 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. Стб. 3610–3619.

⁴⁸ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1911–1912 гг. Сессия 7. Заседания 1–81 (15 октября 1911 г. — 25 июня 1912 г.). СПб., 1912. Стб. 5410–5411.

⁴⁹ Личный состав окружных судов по губерниям. О личном составе Петропавловского окружного суда // РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 16133. Л. 24.

⁵⁰ ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 16. № 12932; Т. 30. № 33392; Т. 32. № 37522; Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. С. 88.

⁵¹ Дело о переводе в гор. Николаевск-на-Амуре Петропавловского окружного суда. Л. 9.

ковавшийся Министерством юстиции, в частности, снимавшим всего за 1500 руб. в год дом для Барнаульского окружного суда⁵², оказывался неприменимым.

В Петропавловске под нужды главного судебного учреждения Камчатской области пришлось возвести комплекс служебных и жилых сооружений, включавший шесть двухэтажных и одноэтажных зданий, имевших клозеты и ванны с нагревательными колоннами, оборудованных паровым отоплением американскими котлами и водопроводом. При суде разбили парк из березовой поросли с дорожками и поставленными вдоль них скамейками⁵³. Для мирового судьи административного центра области удалось купить дом за 17 тыс. руб., а оставшиеся трое судей сначала получали «квартирные деньги». Однако подыскать за них камеры (так называли судейские офисы) и жилье, удовлетворявшие комфортному проживанию, достоинству и функциям судебной власти, было чрезвычайно сложно. В итоге тоже приходилось задуматься о строительстве, и в 1914 г. из казны на это запрашивалось 60 тыс. руб.⁵⁴

Изолированность северо-восточных районов, особенности судоустройства и судопроизводства с оторванностью от остальной судебной системы империи, известные тяготы и лишения здешней службы, на которые обречь себя решался далеко не каждый, требовали уделить особенное внимание укомплектованию юстиции надежными, ответственными и квалифицированными работниками. Охотников отправиться туда было немного, о чем красноречиво свидетельствовала переписка рубежа 1911–1912 гг. между Министерством юстиции, Н. П. Ераковым и председателями окружных судов округа Иркутской судебной палаты. И. Г. Щегловитов предлагал в помощь начавшим работать по закону 3 июня 1911 г. мировым судьям в случае их болезни или отпуска направлять молодых кандидатов по судебному ведомству, обещая, что после трех лет таких командировок упомянутые помощники получают повышение по службе. Однако, в частности, в Енисейской губернии среди судейской молодежи желавших воспользоваться шансом вообще не нашлось, и председатель Красноярского окружного суда Б. И. Кгаевский писал Н. П. Еракову, что одни «сослались на невозможность для них, по состоянию здоровья, перенести суровые климатические условия тех местностей», других не удовлетворила финансовая сторона предприятия, но и они данную причину обуславливали спецификой предлагаемых для работы районов. Начинаящие юристы, не располагая собственными средствами, сомневались в вероятности «на кандидатский оклад запастись всем необходимым как для совершения такой отдаленной поездки, так равно и для поддержания своего существования в этой совершенно некультурной и дикой местности»⁵⁵.

Несмотря на разные препятствия, в Камчатской области, похоже, удалось наполнить юстицию подходящими сотрудниками. На следующий день после при-

⁵² Описание помещений судебных палат и окружных судов. СПб., 1913. С. 2.

⁵³ Переписка со старшим председателем Иркутской судебной палаты, председателем Петропавловского суда и управляющим Камчатской областью о переезде Петропавловского суда в г. Николаев и о передаче помещений // ГА РФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 832. Л. 22 — 22 об.

⁵⁴ Дело об отпуске средств на постройку зданий под камеры и квартиры трех мировых судей Камчатской области // РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 1427. Л. 2 — 4 об.

⁵⁵ Циркуляры Министерства юстиции. Отношения Министерства юстиции и старшего председателя Иркутской судебной палаты о личном составе суда. Расписание судебно-мировых и следственных участков. Требовательная ведомость на выдачу жалования писцам суда // Государственный архив Красноярского края. Ф. 42. Оп. 1. Д. 238. Л. 3 — 3 об., 27 — 29 об.

нения закона о введении Петропавловского окружного суда Н. П. Еракову поручалось подобрать в учреждение «достойных» кандидатов⁵⁶. Председателем в сентябре 1912 г. был назначен В. И. Головченко⁵⁷, а на посты членов главой Иркутской судебной палаты рекомендовались правоведы-практики, тоже имевшие опыт работы в сибирских судебных органах⁵⁸. Бессменный руководитель юстиции Камчатской области Владимир Иванович Головченко в 1894 г. окончил киевский Императорский университет Св. Владимира в возрасте 29 лет, а с 1897 г. и до назначения в Петропавловск прошел в Сибири карьерный путь от мирового судьи Красноярска до члена Иркутской судебной палаты. Сохранились отзывы о чиновнике Н. П. Еракова, характеризовавшего подчиненного «знающим, талантливым, энергичным и вполне благовоспитанным»⁵⁹.

Остальные чины юстиции Камчатской области являлись квалифицированными и опытными. На 1915 г. все они — председатель и прокурор окружного суда, его три члена, а также четверо мировых судей и двое товарищей прокурора — имели дипломы университетов и уже достаточно давно работали в судебном ведомстве. Из мировых судей наименьший стаж был у Н. М. Успенского с камерой в Гижиге, служившего на судейских должностях после окончания Томского университета с 1907 г.⁶⁰ Об уровне интеллектуального развития и кругозора одного из мировых судей М. И. Горяинова (трудился на Чукотке) можно судить по тексту написанного им и сохранившегося в архиве сочинения «Наш Дальний Восток и русско-японское соглашение 20 июня 1916 года». Перед читателем предстает весьма обстоятельный анализ положения региона с оценками его природных богатств, геополитической ситуации и разбором российских экономических амбиций⁶¹.

Насколько оказались нужными правосудию суды Охотско-Камчатского края, свидетельствовала официальная статистика. Например, за 1914 г. на рассмотрение каждому члену Петропавловского окружного суда в среднем поступило 43 уголовных и 20 гражданских производств — мизерное количество. По всем окружным судам Иркутской судебной палаты данный показатель равнялся соответственно 805 и 470, а в целом по Российской империи — 793 и 577. Тогда же каждый мировой судья края рассмотрел 130 дел всех категорий, в Азиатской России — 1412, а в Европейской России — 2981⁶².

Показатели судопроизводства по роду возникавших дел говорили о чрезвычайно низком уровне социально-экономического развития и в принципе могли сигнализировать о неэффективности судебной системы Камчатской области. В 1914 г.

⁵⁶ Личный состав окружных судов по губерниям. О личном составе Петропавловского окружного суда. Л. 13 — 13 об.

⁵⁷ Сенатские ведомости. 1912. 30 сент.

⁵⁸ Личный состав окружных судов по губерниям. О личном составе Петропавловского окружного суда. Л. 17.

⁵⁹ О службе председателя Петропавловского окружного суда Головченко // РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 3090. Л. 100.

⁶⁰ Список чинов ведомства Министерства юстиции 1916 г., исправленный по 1 января: в 2 ч. Ч. 2. (Губернские учреждения). Пг., 1916. С. 465–467.

⁶¹ Очерк мирового судьи Анадырско-Чукотского участка, Петропавловского окружного суда М. Горяинова на тему «Наш Дальний Восток и русско-японское соглашение 20 июня 1916 года» // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 68. Л. 1–60.

⁶² Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 30. Прил. Пг., 1916. С. 15, 41.

к мировым судьям тут не поступило ни одного иска «о праве собственности на недвижимое имущество» или «о восстановлении нарушенного или утраченного владения», впрочем, как и по многим другим категориям гражданских дел. Классифицируя подсудные окружным судам уголовные производства, министерская статистика выделяла 44 категории преступлений, но суд Петропавловска рассмотрел дела только по 15 из них. Получалось, что здешние жители, к примеру, вообще не прибегали к мошенничеству, не похищали домашнего рогатого скота, не замечались в оскорблении чести и в целом не были склонны к криминалу⁶³.

Даже с учетом многофункциональности и затрат времени на разъезды, значительно увеличивавших нагрузку на охотско-камчатскую юстицию (выездные сессии окружной суд Петропавловска совершал в Охотск, Усть-Камчатск, Анадырь, на Командорские острова, мыс Дежнева и другие удаленные местности⁶⁴), имевшиеся статистические цифры вызывали серьезные сомнения в необходимости содержать в регионе дорогостоящую судебную систему. Бескрайние просторы, общие отсталость и малолюдность территории, а также особенности правосознания «иностранцев», по свидетельству В. И. Головченко, «запуганных историческими условиями жизни» и потому редко прибегавших к помощи судебных органов⁶⁵, отторгали имперское правосудие.

Пока на дальневосточной окраине решались вопросы национальной безопасности и имелась возможность проводить планомерную политику, изыскивая средства, финансовая обременительность и известная бездеятельность судей в Камчатской области могли не замечаться. Но ситуация кардинально изменилась из-за ожидавших Россию потрясений, вынудивших отозвать Петропавловский окружной суд из его камчатской локации. Причиной Н. П. Ераков называл военные обстоятельства, приостановившие осуществление «государственных мер к развитию культуры края, охране и разработке его богатств и привлечению в него русских переселенцев»⁶⁶.

Действительно, заботиться о будущем правосудия на далекой периферии в момент, когда власть находилась в поиске средств для ответа на вызовы, угрожавшие самому существованию государственности, едва ли казалось своевременным. Рушились созидательные планы, и, к примеру, накануне Первой мировой войны в Иркутске был приобретен участок под строительство здания судебных установлений, но с началом боевых действий постройка сразу откладывалась «на неопределенное время»⁶⁷. В 1917 г., после падения царизма, на волне демократизации руководители Николаевска-на-Амуре в лице его городского управления обратились в Министерство юстиции с ходатайством о переводе Петропавловского окружного суда в их город⁶⁸, а уже в условиях Гражданской войны 1 ноября 1918 г. Совет министров Временного Сибирского правительства постановил перебазировать этот суд

⁶³ Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 30. Пг., 1916. С. 236, 414.

⁶⁴ Чечелев С. В. Судебная реформа в Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 183.

⁶⁵ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX в. С. 505.

⁶⁶ Дело о переводе в гор. Николаевск-на-Амуре Петропавловского окружного суда. Л. 36 об.

⁶⁷ Об аренде помещений под судебные учреждения // ГА РФ. Ф. Р-4369. Оп. 1. Д. 143. Л. 1.

⁶⁸ Дело о переводе в гор. Николаевск-на-Амуре Петропавловского окружного суда. Л. 2 — 4 об.

в Николаевск, а его помещения передать в распоряжение камчатского областного комиссара⁶⁹.

Речь шла не о ликвидации, а о том, что судебный орган становился менее обременительным для казны и переводился на север Приморской области, где ему предстояло приносить больше пользы правосудию. Тем самым подкреплялись высказываемые еще в Российской империи сомнения в возможности и целесообразности существования в Охотско-Камчатском крае юстиции, устроенной на общих началах. Это же подразумевало постановление правительства А.В.Колчака от 10 января 1919 г. о распространении суда присяжных на подвластную территорию везде вплоть до Тихого океана: единственное исключение делалось как раз для Камчатской области⁷⁰.

Противиться переезду окружного суда в Николаевск, даже взывая к здравому смыслу, было, видимо, бесполезно. На всех стадиях рассмотрения вопроса Н.П.Ераков последовательно поддерживал идею разумности местопребывания Петропавловского окружного суда на Камчатке. На инициативу николаевцев он дал отрицательный отзыв, а после решения Совета министров от 1 ноября 1918 г. призывал правительство одуматься. Руководитель Иркутской судебной палаты считал, что лишить из-за сиюминутных проблем Камчатскую область с трудом обосновавшегося там и благоустроенного окружного суда означало оставить «этот огромный и богатый край без судебной защиты», а вскоре к тому же — решать задачу его восстановления⁷¹. В 1919 г. Н.П.Ераков выступал против обсуждаемого переезда суда уже из Николаевска в Хабаровск, настаивая на возвращении учреждения обратно в Петропавловск⁷².

Все-таки с точки зрения функциональности судебной системы создание в 1912 г. Петропавловского окружного суда представляется искусственным. Что мировые судьи могли работать в чрезвычайной удаленности и без регулярного сообщения с коронным судом, доказывалось в других сибирских регионах. Так, с момента введения уставов по закону от 13 мая 1896 г. в северных Березовском и Сургутском уездах Тобольской губернии действовал мировой институт, но мысль об установлении в той полупустынной местности дополнительного окружного суда не возникала. А между тем за первое десятилетие существования реформированной юстиции Тобольский окружной суд совершил выезд на север для разбирательства дел лишь однажды (председатель учреждения П.Е.Маковецкий язвительно назвал вояж полуторамесячным «счастьем»)⁷³.

⁶⁹ Переписка с министром торговли и промышленности, начальником Хабаровского почтового округа и председателем суда Петропавловска-Камчатского о переезде Петропавловского суда из г. Хабаровска в Николаевск и о служебных командировках работников суда // ГА РФ. Ф.Р-4369. Оп. 5. Д. 843. Л. 1.

⁷⁰ Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 нояб. 1918 — 3 янв. 1920 г.): сб. док. / сост. и науч. ред. В.И.Шишкин. Новосибирск, 2016. Т. 1. С. 203–205.

⁷¹ Дело о переводе в гор. Николаевск-на-Амуре Петропавловского окружного суда. Л. 4 — 4 об, 36 — 36 об.

⁷² Наряд переписок об образовании в городе Хабаровске особого судебного округа // ГА РФ. Ф.Р-4369. Оп. 5. Д. 231. Л. 41 — 43 об.

⁷³ Переписка с председателем окружных судов об усилении штатов Омского, Тобольского и Семипалатинского окружных судов (Ведомости о личном составе) // Государственный исторический архив Омской области. Ф.25. Оп. 1. Д. 139. Л. 11 — 11 об.

Достаточно обратиться к истории образования окружных судов в Сибири начала XX в., чтобы в сравнении мера 1912 г. предстала противоестественной. Идея разместить такие органы возникала относительно ряда городов, а ее инициаторами выступали их жители и руководители, испытывавшие потребности в близкой и доступной юстиции. Только Барнаулу и Новониколаевску удалось добиться своего (в последнем, хотя ходатайство возникло еще в имперскую эпоху, суд создавался по постановлению от 12 октября 1918 г.)⁷⁴. Оба города располагались в многомиллионной Томской губернии с концентрацией всех властей в далеком от большей части населения провинции северном Томске, откуда управление южными районами со временем усложнялось. На юге бурный рост населения, ускоренное хозяйственное освоение, быстрое развитие путей сообщения сами по себе формировали сильнейший запрос на личную и общественную безопасность, а для локализации юстиции напрашивались растущие, превращавшиеся в главные здешние экономические центры и транспортные узлы Барнаул и Новониколаевск. Интересы государства и региона по вопросу о правосудии совпадали, а в случае с Алтаем судебное реформирование даже опередило административное переустройство: одновременно с установлением Барнаульского окружного суда в связи с поездкой П. А. Столыпина по данной местности в 1910 г. стала проектироваться Алтайская губерния, учрежденная в июне 1917 г.⁷⁵

В Томской губернии, хотя и периферийной, но уже основательно внедренной в имперский организм, судебными преобразованиями удовлетворялись нужды края в правосудии как таковые. Потому в отличие от проекта о суде на Камчатке, скажем, у законопроекта о создании Барнаульского окружного суда отсутствовали недоброжелатели. 29 марта 1910 г. представляя его в Государственной думе, член судебной комиссии октябрист Л. Г. Люц призвал депутатов не тратить на обсуждение время, поскольку «вопрос слишком ясен», и предсказывал учреждению полную занятость: «Вам известно, что за последнее время переселение в Сибирь весьма усилилось, особенно в область Томской губернии — в Алтайский округ. Население там теперь настолько густо, что не подлежит сомнению, что количество судебных дел будет значительно расти»⁷⁶. На услуги реформированной юстиции на Алтае действительно сразу обнаружился большой спрос, и в первый же год ее функционирования количество дел в пределах подсудности здешнему окружному суду резко выросло почти в полтора раза⁷⁷.

Между тем Охотско-Камчатский край оставался заложником ситуации, складывавшейся в предшествующие времена. Когда Россия стремительно расширялась на восток и выставляла свои форпосты на самых дальних рубежах, «как бы про-

⁷⁴ Бузмакова О. Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX — начале XX в. Новосибирск, 2012. С. 192–199.

⁷⁵ Шиловский Д. М., Шиловский М. В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI — начало XXI в.). Новосибирск, 2018. С. 86; Крестьянников Е. А. Условия создания Новониколаевского окружного суда (конец XIX — первые десятилетия XX в.) // Российская история. 2022. № 6. С. 186–195; История Сибири: в 4 т. Т. 3: Новое время (конец XVI — начало XX века) / отв. ред. А. Х. Элерт, М. В. Шиловский. Новосибирск, 2023. С. 619.

⁷⁶ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1910 г. Сессия третья. Часть III. Заседания 65–94 (с 8 марта по 9 апреля 1910 г.). СПб., 1910. Стб. 2131–2132.

⁷⁷ Крестьянников Е. А. Условия создания Новониколаевского окружного суда (конец XIX — первые десятилетия XX в.). С. 190.

скаживая внутренние районы ради ускоренной внешней экспансии», он использовался в качестве военно-экономического плацдарма для будущего продвижения в Северную Америку⁷⁸. После потери заокеанской колонии территория сделалась крайней восточной и сопредельной с усиливавшимися державами, но слабо интегрированной в империю и еще отсталой настолько, что в начале XX в. демонстрировала невосприимчивость к проводимым правительством в ее отношении мерам по форсированию темпов развития.

Хотя в судебном преобразовании приоритетной подразумевалась озабоченность проблемой национальной безопасности, оно в то же время безусловно отвечало потребностям охраны населения, которое, однако, не бросилось пользоваться предоставленными возможностями. Социально-экономическое состояние региона еще не подавало достаточно сильных сигналов о необходимости краю имперского правосудия, поэтому сама реформа носила характер вынужденности и искусственности, а установленная юстиция — в случае с Петропавловским окружным судом, очевидно, во многом символическая — не приносила пользу, сравнимую с благотворным влиянием судов на местную жизнь в других провинциях страны. Реформирование являлось политическим шагом, имевшим значительную стоимость при низкой ценности результатов, что и определило неустойчивость плохо приживавшейся и мало востребованной судебной системы, в итоге из-за правительственного же решения частично покинувшей Камчатскую область.

References

- Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (XVIII — nachalo XX v.): regional'noe izmerenie*. Ed. by I. V. Poberezhnikov. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii Publ., 2016, 313 p. (In Russian)
- Baberowski J. *Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914*. Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 1996, 845 S.
- Barannik I. N. *Razvitie organov iustitsii v Primor'e: istoricheskie i pravovye aspekty*. Vladivostok, Vladivostok State University Press, 2023, 214 p. (In Russian)
- Buzmakova O. G. *Sudebnaia vlast' v Sibiri v kontse XIX — nachale XX v.* Novosibirsk, Siberian Transport University Press, 2012, 206 p. (In Russian)
- Chechelev S. V. *Sudebnaia reforma v Sibiri vo второй половине XIX — nachale XX vv.* PhD thesis (Law). Omsk, 2001, 205 p. (In Russian)
- Dubinina N. I. *Priamurskii general-gubernator N. L. Gondatti*. Khabarovsk, Priamurskoe geograficheskoe obshchestvo Publ., 1997, 208 p. (In Russian)
- Istoriia Sibiri*. In 4 vols. Vol. 3. *Novoe vremia (konets 16 — nachalo 20 v.)*. Eds A. Kh. Elert, M. V. Shilovskii. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the RAS Press, 2023, 812 p. (In Russian)
- Kirmze Sh. B. *Imperiia zakonnosti: iuridicheskie peremeny i kul'turnoe raznoobrazie v pozdneimperskoi Rossii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023, 432 p. (In Russian)
- Krest'iannikov E. A. Along the Routes of Justice: Judicial Circuit Riding in Western Siberia during the Late Imperial Period. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2019, vol. 20, no. 2, pp. 315–344.
- Krest'iannikov E. A. Finansovye aspekty sudebnoi reformy v Sibiri (konets 19 — nachalo 20 v.). *Rossiiskaia istoriia*, 2018, no. 2, pp. 22–34. (In Russian)
- Krest'iannikov E. A. Pravosudie cherez rasstoianiia: negativnaia praktika deiatel'nosti mirovykh sudei v do-revoliutsionnoi Sibiri. *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 98–114. (In Russian)

⁷⁸ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 20–23.

- Krest'iannikov E. A. Realizatsiia Idei Sud'i-Sledovatel'ia v Mirovoi Iustitsii Dorevoliutsionnoi Sibiri. *Cahiers du Monde Russe*, 2017, vol. 58, no. 4, pp. 555–588. (In Russian)
- Krest'iannikov E. A. Usloviia sozdaniia Novonikolaevskogo okruzhnogo suda (konets XIX — pervye desiatiletiia XX v.). *Rossiiskaia istoriia*, 2022, no. 6, pp. 186–195. (In Russian)
- Liublinskii P. I. Sud i prava lichnosti. *Sudebnaia reforma*. In 2 vols. Eds N. V. Davydov, N. N. Polianskii. Vol. 2. Moscow, "Ob'edinenie" Publ., 1915, pp. 1–40. (In Russian)
- Poberezhnikov I. V. Frontirnaia modernizatsiia na vostoke Rossiiskoi imperii: regional'nye variatsii. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2018, no. 4, pp. 72–80. (In Russian)
- Remnev A. V. Regional'nye parametry imperskoi "geografii vlasti" (Sibir' i Dal'nii Vostok). *Ab Imperio*, 2000, no. 3–4, pp. 343–358. (In Russian)
- Remnev A. V. *Rossiia Dal'nego Vostoka. Imperskaia geografiia vlasti XIX — nachala XX v.* Omsk, Omsk State University Press, 2004, 552 p. (In Russian)
- Remnev A. V. Siberia and the Russian Far East in the Imperial Geography of Power. *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*. Eds J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington; Indianapolis, Indiana University Press, 2007, pp. 425–454.
- Sablin I. *Dal'nevostochnaia respublika: ot idei do likvidatsii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020, 480 p. (In Russian)
- Shilovskii D. M., Shilovskii M. V. *Administrativno-territorial'noe ustroistvo i upravlencheskii apparat Aziatskoi Rossii (konets XVI — nachalo XXI v.)*. Novosibirsk, Novosibirsk State University of Economics and Management Press, 2018, 347 p. (In Russian)
- Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii*. Eds L. M. Dameshek, A. V. Remnev. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007, 368 p. (In Russian)
- Verniaev I. I. *Istoricheskaia dinamika sudebno-pravovoi integratsii Rossiiskoi imperii*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2021, 396 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 29 августа 2024 г.

Рекомендована к печати 10 января 2025 г.

Received: August 29, 2024

Accepted: January 10, 2025